

АПСНЫ АКУЛЬТУРЕИ АДОУРЫХ-КУЛЬТУРАТӘ
ТЫНХА АХЬЧАРЕИ РМИНИСТРРА
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

АПСУА ҲӘЫНТҚАРРАТӘ
МУЗЕИ АУСУМ҆АҚӘА

ТРУДЫ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

АДЫЖЬРА
VIII
ВЫПУСК

АПСНЫ АҲӘЫНТ҆КARRA
АКУЛЬТУРА АМИНИСТРРА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

**АПСУА ҲӘЫНТ҆KARRATӘ
МУЗЕИ АУСУМ҆TAKӘA**

**ТРУДЫ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

**АТЫЖЬРА
VIII
ВЫПУСК**

Сухум
Абгосиздат
2023

ББК 79.1 (5 Абх.) Я5
Т 78

Ответственный редактор:
А.И. Джопуа

Редакционная коллегия:
Г.Д. Гумба, Д.Р. Таркил, В.А. Нюшков, И.Т. Цугба.

Т 78 Труды Абхазского государственного музея: VIII выпуск /
Сухум : Абгосиздат, 2023. – 272 с.

Книга посвящается 30 летию Победы в Отечественной войне народа Абхазии (1992–1993 гг.)

Восьмой выпуск трудов Абхазского государственного музея включает в себя собрание статей по истории, археологии, этнографии и природы Абхазии.

Сборник рассчитан как на специалистов, так и на тех, кто интересуется Абхазией в далеком прошлом и настоящем, новейшими археологическими материалами, современной историей республики, а также духовной культурой абхазов.

© Министерство культуры РА, 2023
© Абгосмузей, 2023
© Абгосиздат, 2023

Содержание

История

Цюопуа А.И.

Апсуа музеи аусзუфцәа рфырхатара
Ацыынцтылатаа еибашъраан (1992–1993) 5

Авидзба А.Ф.

О причинах и движущих силах агрессии Грузии против Абхазии....30

Археология

Эрлих В.Р., Джопуа А.И.

Сосуд с перевала алаштраху. К проблеме атрибуции.....38

Хотелашивили-Инал-Ипа М. К.

Ручная мельница античной эпохи из Скурчи46

Джопуа А.И., Скаков А.Ю.

Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности
колхидского погребального обряда и на могильнике Джантух51

Архимандрит Дорофей (Дбар),

Церковные архитектурные детали из Анхуа (Х–XI вв.) В коллекции
Абхазского государственного музея57

Схатум Р.Б.

К истории исследования могильника казазово 1. Работа по
восстановлению материалов (предварительное сообщение)88

Ахба Д.В.

История и развитие культуры виноградарства и виноделия в
абхазии с древнейших времен95

Счастный Д.А.

Позднеантичные мечи с металлическими накладками из Абхазии ...109

История

Гумба Г.Д.

Азиатская сарматия «кашхарацуйца» («армянская география vii
века»).....120

Джопуа А.И., Нюшков В.А.

История абхазского направления северокавказского участка
Великого шелкового пути146

Гопия Д.К.

Город Акуа на карте Баттиста Аньеза 1540 г..... 155

Гожба Р.Х.

Воины, не ведавшие страха 162

Лакоба С.З.

Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30 гг. XX в.)..... 184

Медвениский Н.И.

Из истории католицизма в Абхазии
(40–50-е гг. XIX в.)..... 193

Этнология

Аргэынчха Н.Хә.

Апсуаа ичыдақазшыны ирымаз еиуеипшымыз аныққаарақәа..... 202

Плиапчха М.Ф.

Апсуа нашанатә лакәкәа рәғы афырхатча хада итахара аазырпшуа аматәаркәа..... 205

Природа

Гергия А.Ф., Смыр А.Л.

Ахъя: иахъатәи атагылазаашьеи ахархәареи..... 210

Гучетль З.Х.

Нормы Адыгэ хабзэ в условиях глобализации 216

Социологический опрос

Шамба И.В.

Музей и посетитель 225

Сакания С.М.

Логуа Нуғзар Чичикоевич 242

Хроника

Памяти Т.Ш. Гицба. *Джопуа А.И.* 268

В.А. Ниушков игәалашәара иазкны. *Цьонуа А.И.* 271

**АРХИМАНДРИТ ДОРОФЕЙ (ДБАР),
доктор богословия,
в.н.с. отд. истории АБИГИ им. Д. Гулиа АНА**

**ЦЕРКОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ
АНХУА (Х–XI вв.) В КОЛЛЕКЦИИ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

В зале средневековья Абхазского государственного музея (далее АГМ) выставлены (на ноябрь 2018 г.) следующие церковные архитектурные детали из с. Анхуа¹ Гудаутского района Республики Абхазия (ил. 1):

Известняковая плита алтарной преграды со сценой Распятия Христа и надписями на греческом и картлийском (письмом асомтаврули)² языках (инв. кар. № 1938–2191, размеры: 75x77 см³);

Известняковая плита алтарной преграды с изображением св. Георгия Победоносца (инв. кар. № 1938–506, размеры: 78,5x73 см);

Известняковый столбик алтарной преграды с витой полу-колонкой № 1 (размеры: 76x19 см);

Известняковый столбик алтарной преграды с витой полу-колонкой № 2 (размеры: 76x19 см);

Известняковый постамент предалтарного креста (верхняя часть) (инв. кар. № 1938–505, 507, размеры: 103x27 см).

¹ Исторически территория с. Анхуа являлась частью средневековой столицы Абхазии – Анакопии (совр. Н. Афон).

² Определение картлийский в отношении языка, официально использовавшегося с XI в. в рамках средневекового царства абхазов и картвелов, в наше время часто встречается в работах Д. Чачхалиа, в том числе и в работе по истории храма Акуача в с. Анхуа [Чачхалиа, 2018, с. 22]. Мы согласны с данным уточняющим определением, поскольку, когда мы говорим о средневековом объединенном государстве абазгов (абхазов) и картвелов (грузин), речь может идти о языке одной из составных частей этого государства – Картли. Понятие Грузия и грузинский язык корректнее применять для более позднего исторического периода. Асомтаврули – это древнегрузинское письмо заглавными буквами.

³ Здесь и далее размеры указаны в соответствии с нашими обмерами.

В фондах АГМ хранятся следующие архитектурные детали из того же с. Анхуа:

известняковый постамент предалтарного креста (нижняя часть) с ктиторской надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) (инв. кар. № 1938–505, 507, размеры: 126x21 см¹);

известняковая архитектурная деталь с надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) (инв. кар. № 1938–542).

В 2021 г. во время расчистки цокольного этажа здания скита св. Иоанна Крестителя в с. Анхуа в подвальном помещении кухни была обнаружена архитектурная деталь (размеры: 28x19 см)². Сравнив находку с вышеуказанными фрагментами алтарной преграды из Анхуа, мы пришли к заключению, что данный артефакт действительно является еще одним фрагментом вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа³. Новый

¹ Размер указан в соответствии с обмерами Е. Ю. Ендольцевой [Ендольцева, 2019, с. 20–21].

² Хранится в фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии при Ново-Афонском монастыре.

³ Найденный в ските св. Иоанна Крестителя фрагмент по ширине точно совпадает с размерами двух столбиков алтарной преграды из Анхуа, выставленных в АГМ, – 19 см. Кроме того, колонка по обеим сторонам обрамлена (как и два вышеуказанных столбика алтарной преграды из Анхуа) витым орнаментом (на левой стороне видны только следы орнамента), напоминающим так называемую сельджукскую цепь (лента плетения в две полосы, орнамент составлен из кружков небольшого диаметра с высыпленным центром) [Ендольцева, 2019, с. 18–19]. На одной из сторон обнаруженного фрагмента витой полуколонки сбоку просматривается технический желоб (размеры: 11x2 см), который, очевидно, служил для скрепления полуколонки с другими деталями алтарной преграды из Анхуа. Обнаруженный фрагмент был использован в качестве строительного материала для основания большой кухонной печи в ските св. Иоанна Крестителя в Анхуа. Одноэтажное помещение кухни с подвалом примыкает к зданию самого скита с западной стороны [Дорофея Дбар, 2019, с. 16; ил. 60, 61]. Печь была разобрана в советское время, когда помещение монастырской кухни использовалось под продуктовый магазин. Напомним, что строительство большого здания скита св. Иоанна Крестителя в Анхуа было осуществлено в 1903–1908 гг. монахами Ново-Афонского монастыря [Бронзов, 1913, с. 648]. Таким образом, данная находка свидетельствует еще и о том, что строительные камни и различные ценные архитектурные детали руин средневековых храмов, равно как и других исторических памятников Анхуа, к сожалению, были использованы монахами Ново-Афонского монастыря в кон. XIX и нач. XX вв. для возведения новых монастырских построек, включая и здание скита св. Иоанна Крестителя в Анхуа.

фрагмент был обозначен нами как «Фрагмент известнякового столбика алтарной преграды с витой полуколонкой из Анхуа № 3», и он стал восьмой по счету архитектурной деталью из Анхуа [Дорофея Дбар, 2023].

В 2022–2023 гг. в ходе археологических раскопок руин храмового комплекса Бжилюа в с. Анхуа, которые проводились под руководством Гарика Сангулия и архимандрита Дорофея (Дбар), были обнаружены три фрагмента архитектурных деталей. Сравнив находки с фрагментом, обнаруженным в ските св. Иоанна Крестителя, и выставленными в АГМ фрагментами алтарной преграды из Анхуа, мы пришли к заключению, что данные артефакты, судя по всему, также являются дополнительными фрагментами вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа. Кроме того, в ходе указанных раскопок было обнаружено основание постамента для предалтарного креста, хранящегося в фондах АГМ¹.

Таким образом, мы сегодня располагаем 12 церковными архитектурными деталями из Анхуа: 8 из них принадлежат алтарной преграде, 3 являются частями предалтарного креста, принадлежность одной архитектурной детали (№ 7) не установлено.

Е.Ю. Ендольцева в статье «Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)», опубликованной в 2019 г., подробно описывает следующие архитектурные детали из Анхуа:

1. Плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия;
2. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой;
3. Столбик алтарной преграды с витой полуколонкой;
4. Фрагмент постамента предалтарного креста (верхняя часть);
5. Плиту со сценой Распятия;
6. Фрагмент постамента предалтарного креста (нижняя часть);
7. Архитектурную деталь с надписью [Ендольцева, 2019, с. 17–21].

¹ Предварительные итоги археологических раскопок храмового комплекса Бжилюа в с. Анхуа будут представлены на XXXIII «Крупновских чтениях», которые пройдут 22–26 апреля 2024 г. в Москве.

Согласно инвентарным карточкам пять из восьми выше-перечисленных архитектурных деталей – две плиты алтарной преграды со сценой Распятия и изображением св. Георгия, два фрагмента постамента предалтарного креста и архитектурная деталь с надписью – были доставлены в АГМ в 1938 г. из Анхуа (без уточнения – из какой именно церкви) одним и тем же дарителем [Ендольцева, 2019, с. 17–22].

На одной из 12 вышеупомянутых архитектурных деталей из Анхуа – плите со сценой Распятия Христа – нанесены надписи на греческом и картлийском (письмом асомтаврули) языках. Еще на двух деталях – нижней части постамента предалтарного креста и отдельной архитектурной детали – надписи нанесены только на картлийском, причем одна является большой ктиторской надписью.

Е. Ю. Ендольцева говорит о вероятности, что все перечисленные в ее статье и схожие по стилю и характеру украшений архитектурные детали из Анхуа являются частями одной и той же алтарной преграды (за исключением двух фрагментов постамента предалтарного креста). Она допускает возможность происхождения всех вышеуказанных деталей, датируемых рубежом X–XI вв., из одной церкви в Анхуа, вероятнее всего – из церкви св. Георгия (имеется в виду храм св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа – *о. Дорофей*) [Ендольцева, 2019, с. 17–22].

Считаем важным отметить, что Е. Ю. Ендольцева сообщает о надписях на картлийском (грузинском) языке, сделанных на нижней части постамента предалтарного креста и еще одной архитектурной детали из Анхуа. Однако она ничего не говорит о надписях (в том числе и на греческом языке) на плите со сценой Распятия Христа [Ендольцева, 2019, с. 21–22].

Относительно надписи на греческом языке с плиты алтарной преграды со сценой Распятия Христа из Анхуа следует отметить, что надпись – это всего лишь одно слово заглавными буквами, но при этом с артиклем и надстрочными знаками приданы и ударения, что не характерно для греческой заглавной письменности. Это слово следующее: Ή ΣΤΑΥΡΩΣΙΣ.¹ В переводе с греческое означает – Распятие [Дорофей Дбар, 2022 (2), с. 228].

¹ Ή ΣΤΑΥΡΩΣΙΣ – заглавными буквами современной греческой орфографии, ἡ σταύρωσις – прописными буквами современной греческой орфографии.

Некоторые особенности надписи: 1) артикль женского рода ḥ в отличие от всех последующих букв вырезан в объемной форме, что очень странно; 2) над тем же артиклем женского рода ḥ наблюдается знак густого греческого придыхания со знаком острого греческого ударения (он называется Δασεία-Οξεία) – ḥ; 3) знак острого ударения над диграфом αι в самом слове стоит над á; 4) к концу слова размеры букв уменьшаются.

Кроме того, в глаза бросается искажение композиционного расположения надписи, сдвинутой относительно Распятия Христа левее, а также то, что фигура св. Иоанна Богослова максимально удалена от Распятия (в отличие от зеркально расположенной фигуры Пресвятой Богородицы).

Ниже греческой надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из Анхуа мы имеем и несколько надписей на картлийском языке (письмом асомтаврули). Первая сделана в две строки на табличке, расположенной на самом верху Распятия. Она гласит: ԾՒԾ Ծ՚ԻՊՇ ՚ԻՕԾ՚ԻՑԾ (Сей царь Иудейский). Чуть ниже, слева от головы распятого Христа, надпись – ԽՒՅՒՐՇՇ (Распятие), справа – ՔՅՒՐՇՄ (Христово). Два последних слова при написании сокращены [Дорофей Дбар, 2022 (2), с. 228].

В отношении надписей на картлийском (грузинском) языке также стоит заметить, что и им свойственны композиционные искажения, особенно надписям, расположенным по сторонам от головы Спасителя. Просматривается разница по сравнению с аккуратной композицией текста и четкостью изображения букв на ктиторской надписи постамента предалтарного креста из той же церкви.

Таким образом, обе надписи на рассматриваемой плите алтарной преграды из Анхуа обозначают Евангельский сюжет Распятия Иисуса Христа. С левой стороны от креста мы видим фигуру Пресвятой Богородицы в рост, с правой стороны – апостола Иоанна Богослова, тоже в рост. Обе фигуры без сопроводительных надписей. В верхней части плиты с обеих сторон видны изображения ангелов – их фигурки по пояс.

Обозначим еще ряд вопросов, требующих в дальнейшем дополнительного исследования. Эти вопросы связаны (об этом

писала Л. Г. Хрушкова, см. ниже) с довольно редким сочетанием греческого и картлийского (грузинского) письма на одном памятнике, как и в случае с рассматриваемой нами плитой из Анхуа.

Почему на одной и той же плите алтарной преграды мы имеем надпись на двух языках? При этом на второй плите из той же алтарной преграды с изображением св. Георгия надписи отсутствуют вовсе. Хотя, как отмечает Ренэ Шмерлинг (см. ниже), отсутствие обозначения имени св. Георгия на алтарных плитах с его изображением – явление обычное.

Были ли надписи нанесены одновременно с изготовлением самой плиты алтарной преграды со сценой Распятия Христа или же они могли появиться позже?

Одновременно ли на двух языках были сделаны надписи или одна из них первична, а другая – вторична? И какая именно появилась первой?

Напомню, что Е.Ю. Ендолъцева, предполагавшая, что все известные архитектурные детали из Анхуа, схожие по стилю и характеру украшений, являются частями одной и той же алтарной преграды (за исключением двух фрагментов постамента предалтарного креста), датирует их рубежом X–XI вв. (см. выше), в то время как постамент предалтарного креста с большой ктиторской надписью на картлийском языке (письмом асомтаврули) Л. Шервашидзе относит к периоду не ранее и не позднее XI в. [Шервашидзе, 1974, с. 182–183]. Р. Шмерлинг, как мы увидим ниже, основываясь на искусствоведческом анализе, дает разную датировку и обеим плитам алтарной преграды с изображением сцены Распятия Христа и св. Георгия из Анхуа. Как выяснилось, предположение Р. Шмерлинг, что плиты – из разных храмов Абхазии, оказалось ошибочным.

Чтобы получить ответы на вышепоставленные вопросы, необходимо в перспективе провести палеографический анализ греческой надписи и уточнить датировку как надписей на греческом и картлийском (грузинском) языках, так и самой алтарной преграды из церкви в Анхуа.

В 2020 г. в Москве вышла большая монография Е.Ю. Ендолъцевой «Архитектурная пластика Абхазии в период Абхаз-

ского царства (VIII–XI вв.)». Все сведения об интересующих нас церковных архитектурных деталях из Анхуа, приведенные во второй главе книги (глава «Крупные лапидарные коллекции»), практически идентичны с теми, что были приведены в рассматриваемой выше статье названной исследовательницы [Ендольцева, 2020, с. 205–211]. Незначительные дополнения касаются фрагмента постамента предалтарного креста (верхняя часть), по поводу которого Е.Ю. Ендольцева пишет, что среди его ближайших территориальных аналогий – фрагмент столба из Лоо (кат. Лоо № 1) и плиты со сценой Распятия, к которым она дает следующее пояснение: «S-образный орнамент, украшающий поля этой плиты, имеет многочисленные аналогии в архитектурной пластике Закавказья, начиная с X–XI вв. Среди территориально близких – резной блок из Малого Ахуна, фрагмент алтарной преграды из Лыхны (кат. Лыхны № 2), фрагмент первоначального храма в церкви в Бедиа (кат. Бедиа № 4) и др. Авторы недавно вышедшего каталога грузинской средневековой скульптуры также упоминают эту плиту, правда, в качестве почему-то единственного фрагмента алтарной преграды из Анухвы. По вопросу о датировке этой плиты они согласны с Р. О. Шмерлинг» [Ендольцева, 2020, с. 207–208].

Действительно, в каталоге грузинской средневековой скульптуры (*Medieval Georgian Sculpture*), составленном Т. Да-диани, Т. Хундадзе и Е. Лвачатадзе и изданном в 2017 г., в отношении плиты из Анхуа со сценой Распятия Христа говорит-ся следующее: «Crucifixion is represented on the only plaque of Anukhva chancel-barrier (11th c.). The relief is characterized by the traditional iconography and plastic-voluminous style» [Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017, p. 236].

Е.Ю. Ендольцева в рассматриваемой монографии пишет, что, по всей вероятности, свинцовая печать византийского типа XI в. с надписью на картлийском языке (письмом асомтавру-ли), найденная в море, в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани, могла быть из того же места (или храма) в Анхуа, что и постамент предалтарного креста [Ендольцева, 2020, с. 208].

Версия о происхождении этой свинцовой печати именно из Анхуа в Абхазии впервые было высказана В. Чхайдзе в специальной статье «Грузинская печать византийского типа XI в.», опубликованной в 2017 г. [Чхайдзе, 2017, с. 61–66].

«Печать, – сообщает названный исследователь, – наряду с 9 византийскими моливдовулами и одной заготовкой была найдена в море, в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани. В настоящее время эта печать находится в частной коллекции» [Чхайдзе, 2017, с. 62–63].

Каких-либо других подробностей об истории нахождения свинцовой печати с надписью на картлийском (грузинском) языке названный автор не говорит.

По сообщению В. Чхайдзе, на лицевой стороне печати в точечном ободке имеется изображение св. Георгия: он изображен по грудь, с точечным нимбом, безбородый, с пышными волнистыми волосами. С обеих сторон от святого надпись на картлийском языке (письмом асомтаврули) с сокращениями – გვ || თ, которая переводится как Святой Гиорги. На оборотной стороне печати четырехстрочная надпись в ободке также на картлийском языке (письмом асомтаврули) и сокращениями, В. Чхайдзе прочитал ее как – გვთთ | ი.ქედუს | თხეცა | თურ (Святой Гиорги монастыря Айнахвийского) [Чхайдзе, 2017, с. 63; рис. 3].

«Слово “монастырь”, – поясняет В. Чхайдзе, – (явный гречизм) передано через глottальный т’аг (ঁ), древнегрузинский генитив на sa (в настоящее время s (ব)). Топоним достаточно очевиден. Последняя буква в третьей строке, которая плохо читается, вероятно զ (дифтонг wí, который может обозначать и у), – “Айнахвисай”. Развалины зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию, известны в Абхазии, в селе Анухва (Анхуа), в 3 км к северу от Анакопии (Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., 2015, с. 96–97; рис. 2, 9). Из храма происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули – Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства (Бгажба, 1967, с. 15–16; рис. 7; Шервашидзе, 1974, с. 176–185). Можно предположить, что помимо храма, посвященного св. Георгию в Айнахви / Анух-

ви, в XI в. здесь располагался и грузинский монастырь, откуда происходит рассматриваемая уникальная печать» [Чхайдзе, 2017, с. 63–64].

Судя по приведенному В. Чхайдзе примечанию к прочтению надписи на рассматриваемой нами печати [Чхайдзе, 2017, с. 63, прим. 1], трактовка «монастыря Айнахвийского» как монастыря в Анхуа в Абхазии, очевидно, была предложена А.Ю. Виноградовым и Ш. Гугушвили, авторами, изучающими и историю Абхазского Католикосата. Однако по поводу такой трактовки надписи на рассматриваемой печати XI в. архимандрит Дорофей (Дбар) высказал ряд существенных замечаний; все они были изложены в статье ««Грузинская печать византийского типа XI века: происходит ли она из села Анхуа (Абхазия)?» [Дорофей Дбар, 2022 (1), с. 133–145].

1. Изначальное абхазское наименование интересующего нас села не Анухва и не Анухви, и не Анахви, и тем более не Айнахви, а Анхуа.

Известный языковед Х. Бгажба в работе «Некоторые вопросы этнографии и топонимики Абхазии», разъясняя название Анакопия, говорит и о топониме Анхуа (заметим, что современный Новый Афон, т. е. древняя Анакопия и Анхуа составляли единую территорию средневековой столицы Абхазии – Анакопии. – О.Дорофей): «В слове Анакопия, как и в Никопсия, мы можем выделить окончание – иа. Основа анакоп, видимо, восходит к анақуап, где второй элемент қуап означает выступ (ср. ақуапа-ფათ “изрезанная, извилистая местность”). Первая часть ана – самостоятельная основа, которая может быть выделена и в других географических именах: Ан-хуа ← Ана-хуа, Ана-қуа-пст (по-абх. ана-қуа “ледник”, букв. “ледниковое ущелье”), На-ху, Ана-па» [Бгажба, 1956, с. 297].

Кказанному Х. Бгажба добавим, что византийский хронист XI–XII вв. Иоанн Скилица упоминает топоним Анакопия как Ἀνακούφια (Анакуфья) [Glossar, 1979, с. 217; Seibt, Jordanov, 2006, с. 231]. На византийской печати XI в., обнаруженной в Болгарии, топоним Анакопия зафиксирован как Ἀνακούπτι (род. п.) (Анакўпи) [Seibt, Jordanov, 2006, с. 231–239]. Т. е. абхазское название Анақуапия в точности совпадает с греческим из вы-

шеуказанной печати XI в. У Скилицы же вместо греческой буквы π (пи) используется φ (фи). Вероятно, различное написание указанного топонима связано с восприятием отсутствующего в греческом языке звука π, который может быть передан как через π, так и через φ. Таким образом, первая часть греческой вариации топонима Анакопия, – это самостоятельная основа Ана- (Ανα-), как и абхазская.

Следовательно, связь между топонимом *Айнахвиисай* на свинцовой печати, найденной в море в районе южно-крымского побережья (Судак?) или в акватории Тамани, и названием села Анхуа на территории Абхазии для нас (в отличие от В. Чхаидзе) недостаточно очевидна.

2. В. Чхаидзе, ссылаясь на работу А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого «Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства» (Москва, 2015 г.), говорит о развалинах «зального храма с полукруглой апсидой XI в., посвященного св. Георгию, известных в Абхазии, в с. Анухва (Анхуа), в трех км к северу от Анакопии» (см. выше).

В указанной работе А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого речь идет просто о храме в пос. Веселовка с. Анхуа. Авторы не говорят, что храм был посвящен св. Георгию. Кроме того, если план храма, опубликованный Ю.Н. Вороновым в 2002 г., действительно является планом храма св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа (судя по всему, это так!), то тогда соотнесение храма, указанного в вышеупомянутой статье Ю. Н. Воронова, с храмом в пос. Бжилюа (Веселовка) с. Анхуа, сделанное А. Ю. Виноградовым и Д. В. Белецким в той же их совместной работе, является ошибочным [Воронов, 2002, с. 353–354; Воронов, 2016, с. 290–291, 301; рис. 11; Виноградов, Белецкий, 2015, с. 96–97].

3. В. Чхаидзе, ссылаясь на работы Х. Бгажба и Л. Шервашидзе (о них мы будем говорить ниже), сообщает, что «из храма (автор подразумевает зальный храм с полукруглой апсидой XI в. в пос. Бжилюа. – о. Дорофей) происходит постамент для креста XI в. с ктиторской надписью асомтаврули – Георгия, сына Василия, вероятно, местного феодала или представителя духовенства» (см. выше). Однако Х. Бгажба и Л. Шервашидзе нигде

не отмечают, что указанный постамент происходил из храма св. Георгия в пос. Бжилио с. Анхуа.

4. У нас нет никаких данных, что в древности на территории Анхуа существовал монастырь, тем более грузинский, как это полагает В. Чхайдзе. Использование на вислой печати (которая, по мнению В. Чхайдзе, происходит из Анхуа) либо на нескольких церковных архитектурных деталях из с. Анхуа картлийского (грузинского) языка не обязательно означает, что их создатели – этнические грузины, а церкви и монастыри, к которым они могли иметь отношение, были грузинскими. XI век – это время существования единого государства абазгов (абхазов) и картвелов (грузин) под названием «Абхазское царство», когда на территории самой Абхазии наравне с греческой письменностью начинает использоваться и картлийский (грузинский) язык. Яркий пример тому – плита алтарной преграды из Анхуа со сценой Распятия Христа с надписями как на греческом, так и на картлийском (письмом асомтаврули) языках (см. выше). Однако эти надписи порождают, как мы уже отметили, следующий вопрос: какая из надписей первична или же они обе были сделаны одновременно?

Как мы убедимся ниже, в надписях на постаменте креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке и датируемых XI в., мы имеем имена исключительно греческого происхождения, и связаны они с древнехристианскими святыми, в большинстве своем выходцами из Малой Азии.

5. Если и был монастырь в Анхуа, то он, судя по всему, мог находиться на территории нынешнего пос. Бжилио (Веселовка), где сохранились, как мы уже отметили выше, храмовый (возможно монастырский) комплекс. Археологические раскопки на месте расположения названного храмового комплекса были начаты в 2022 г. Их результаты для окончательных выводов пока не достаточны. Однако одно уже можно сказать точно – у нас нет никаких письменных данных, что храмовый комплекс в Бжилио мог быть посвящен св. Георгию Победоносцу, равно как не существует никаких свидетельств, что какая-либо из известных нам средневековых церквей в Анхуа была посвящена св. Георгию. Единственное, что мы име-

ем, так это плиту алтарной преграды с изображением св. Георгия. Посвящение же храма в пос. Агца с. Анхуа св. Георгию, как нами было установлено, произошло уже в первой четверти XX в. [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020, с. 329–332; Дорофей Дбар, Сангулия, 2022 (4), с. 445–446].

Здесь же следует отметить, что обнаруженные непосредственно на территории Абхазии печати византийского типа, в их числе и церковные, все без исключения имеют надписи на греческом языке. Причем некоторые из них были найдены в Анакопии, т. е. в непосредственной близости от Анхуа [Дорофей Дбар, 2022 (1), с. 137–142].

Вернемся к работе Е.Ю. Ендольцевой. Представляет интерес также информация, которую исследовательница приводит в той же второй главе монографии: «В с. Анхуа, находящемся неподалеку от горы Анакопия, зафиксировано несколько церквей, которые можно отнести к исследуемому периоду (VIII–XI вв. – о. Дорофей). В Абхазском государственном музее хранятся интересные фрагменты архитектурной декорации, поступившие единовременно (судя по инвентарным карточкам 1938 г.) от краеведа И.Е. Адзинбы (кат. муз. №№ 8, 9, 11, 12, 13). Скорее всего, они происходят из одной церкви, но какой именно, определено установить сложно. А.Ю. Виноградов и Д. В. Белецкий ошибочно связывают один из этих фрагментов – постамент предалтарного креста с надписью – с церковью в пос. Веселовка (северная окраина с. Анхуа). Но поскольку точное происхождение находок установить не удалось, данный фрагмент никак не может быть определяющим признаком для датировки веселовской церкви. В фондах музея и хранилище бывшего Государственного управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия есть и несколько фрагментов надгробий, точное происхождение которых тоже неизвестно (установлено только, что они из с. Анхуа) (кат. муз. №№ 22, 26)» [Ендольцева, 2020, с. 189–190].

Грузинский и советский искусствовед Ренэ Шмерлинг (1901–1967) в книге «Малые формы в архитектуре средневековой Грузии» (Тбилиси, 1962) в ряду каменных резных алтарных преград первой половины XI в. рассматривает две

плиты алтарной преграды из Анхуа. Правда, как уже верно отметила Е.Ю. Ендольцева (см. выше), Р. Шмерлинг ошибочно связывает плиту с изображением св. Георгия Победоносца с храмом в Агу-Бедиа. Кроме того, Р. Шмерлинг, видевшая обе плиты до того, как их расчистили, полагала, что они серьезно отличаются.

«Расколотая на три части плита (со сценой Распятия – о. Дорофей), – пишет Р. Шмерлинг, – размером 76x78 см, имеет розовато-желтоватый оттенок, ощутительно отличающий ее от фрагментов бедийской алтарной преграды, плита (речь идет о плите с изображением св. Георгия из Анхуа – о. Дорофей), которая, впрочем, имеет, к тому же, другие размеры и отличается от анухвинской не только материалом, но и характером построения композиции рельефа и его исполнением» [Шмерлинг, 1962, с. 158].

Напомним, что согласно нашим обмерам, размеры плиты из Анхуа со сценой Распятия составляют 75x77 см, а размеры плиты с изображением св. Георгия из Анхуа – 78,5x73 см. Как мы уже отмечали выше, Е.Ю. Ендольцева указывает следующие размеры: плита со сценой Распятия – 76x78 см, а плита с изображением св. Георгия – 78x73x10,5 см. Обе плиты несущественно отличаются по размерам. Однако следует обратить внимание и на размеры плиты с изображением св. Георгия, которые приводит в работе сама Р. Шмерлинг, – 72x73 см [Шмерлинг, 1962, с. 109].

Далее Р. Шмерлинг дает подробный художественный анализ изображений на плите со сценой Распятия Христа, отмечая при этом «невысокий уровень одаренности мастера», отразившийся на нескольких сторонах его произведения [Шмерлинг, 1962, с. 158–59].

По поводу датировки плиты со сценой Распятия из Анхуа Р. Шмерлинг пишет: «Датировка памятника, исходя из характера задач, намечающихся в его исполнении, должна быть ощутительно сдвинута вперед сравнительно с другим памятником – профицированной так же, как анухвинская плита самцевирской плитой, исполненной во второй половине X в. Об этом, т. е. о том, что анухвинская алтарная преграда была

исполнена в более позднее время, свидетельствует и характер орнамента обрамления рассматриваемой плиты, т. е. изображение коленчатого растительного побега, условно называемого “S-образным”, исходя из некоторого сходства его звеньев с латинской буквой “S”. Трактовка этого красивого декоративного орнамента, получившего в грузинской архитектурной орнаментике широкое распространение, сближает его не с памятниками второй половины XII–нач. XIII вв., когда характер его заметно изменяется, а с предшествующим этапом, т. е. с XI–XII вв. Нарушение схемы, выражющееся здесь в скрещивании стеблей, рисующих отдельные звенья побега в левой части обрамления, находит отзвук в аналогичном и иных изводах этой же орнаментальной схемы в памятниках рубежа X–XI вв. и начала XI в. как орнамент одного из окон на северном фасаде собора Баграта в Кутаиси, плиты с надписью, вставленной позднее в кладку моста в с. Цалка (б. Бармаксиз), тимпана западного входа храма в с. Эхвеви и др.» [Шмерлинг, 1962, с. 159].

Что касается плиты с изображением св. Георгия, то Р. Шмерлинг, как мы уже отметили, ошибочно приписывала ее храму в Агу-Бедиа. Данную плиту алтарной преграды названный исследователь рассматривает в ряду алтарных преград V–X в. и датирует ее рубежом X–XI [Шмерлинг, 1962, с. 109–111]. Приводит она и подробный художественный анализ изображений на рассматриваемой плите [Шмерлинг, 1962, с. 109–110].

Хухут Бгажба (1914–2000) в работе «Из истории письменности в Абхазии» (Тбилиси, 1967) сообщает, что резной столб с надписью на асомтаврули (речь идет о нижней части постамента предалтарного креста из АГМ) был найден краеведом И. Адзинба в 30-х гг. XX в. [Бгажба, 1967, с. 15–16]. Однако данная информация не соответствует действительности, поскольку столб или постамент, о котором идет речь в работе Х. Бгажба, был обнаружен монахами Ново-Афонского монастыря в последней четверти XIX в. (об этом ниже). Очевидно, что Иосиф Адзинба (1901–1942) обнаружил постамент предалтарного креста и другие церковные архитектурные детали

из Анхуа повторно, после закрытия Ново-Афонского монастыря, и передал их в Абхазский краеведческий музей (в наше время – АГМ).

Что касается ктиторской надписи на картлийском языке на постаменте предалтарного креста из Анхуа, Х. Бгажба дает ее (как говорит об этом он сам) в чтении и переводе Л. Шервашидзе (с сохранением сокращений и раскрытием сокращений, а также с небольшими изменениями в тексте перевода), соглашаясь с датировкой, предложенной последним автором, – XI в. [Бгажба, 1967, с. 15–16; рис. 7]¹.

Надпись в переводе на русский язык гласит: «Именем Божиим воздвиг сей крест во имя Бога, Отца, Сына и Святого Духа я, Георгий, сын Василия. Отныне кто будет ему (кресту – о. Дорофей) молиться, помяните нас, троих братьев, да будет аминь» [Бгажба, 1967, с. 16]².

В той же работе Х. Бгажба говорит и еще об одной надписи из Анхуа на картлийском языке (письмом асомтаврули). Речь идет о надписи на уже упомянутой выше архитектурной детали № 7. На русский язык она переводится так: «Святые архангелы Михаил и Гавриил» [Бгажба, 1967, с. 16; рис. 8].

В 1974 г. Лео Шервашидзе (1910–2003) опубликовал статью, посвященную «разбитому на две части четырехгранным столбу из белого местного известняка, украшенному резьбой и надписью с текстом на “асомтаврули”» из Анхуа.

¹ Отметим, что Х. Бгажба ссылается на рукопись статьи Л. Шервашидзе под названием «Резной столб из сел. Анухва».

² Х. Бгажба в другой своей работе «О памятниках письменности в Абхазии», вошедшей в сборник его статьей «Этюды и исследования» (Сухум, 1974), отмечает, что при датировке ктиторской надписи на асомтаврули на постаменте предалтарного креста из Анхуа, равно как и грузинской надписи из Лыхненского храма (речь идет о надписи на асомтаврули, сообщавшей о появлении кометы), «заслуживает внимание монета грузинского царя Георгия II, найденная в 1957 г. М. М. Трапши во время археологических работ в Анакопийской крепости <...>. Древнегрузинская надпись на монете расшифрованная Д. Г. Капанадзе: “Христе! Возвеличь Георгия – абхазцев и картвелов царя и Кесароса”. Данная монета является единственной находкой на территории Грузии. Она чеканилась между 1081–1089 гг.» [Бгажба, 1974, с. 72]. К сожалению, Х. Бгажба не разъясняет, почему названная монета так важна для датировки рассматриваемой нами ктиторской надписи на картлийском языке на постаменте предалтарного креста из Анхуа.

«Судя по одной из фраз большой надписи на столбе, – пишет названный исследователь, – гласящей: «...» воздвиг крест сей <...>», столб является постаментом под крест, и это подтверждается наличием в верхнем торце его глубокого, прямоугольного в плане, гнезда, в которое вставлялся нижний конец креста» [Шервашидзе, 1974, с. 176].

Л. Шервашидзе говорит, что рассматриваемый им столб из Анхуа «не является одиночным явлением, он входит в ряд аналогичных по назначению памятников». В качестве примеров он называет большие постаменты крестов из храма Джвари и из с. Чукули в Нижней Сванетии [Шервашидзе, 1974, с. 176].

Далее указанный автор приводит подробное описание постамента креста из Анхуа [Шервашидзе, 1974, с. 176–182].

Что касается датировки рассматриваемого памятника, то стилистический анализ орнамента, декора крестов и других особенностей позволяет Л. Шервашидзе отнести его ко времени не ранее и не позднее XI в. [Шервашидзе, 1974, с. 182–183].

В завершение статьи Л. Шервашидзе предлагает прочтение и перевод всех надписей на постаменте предалтарного креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке. Вначале он приводит текст большой ктиторской надписи, помещенной на фасадной стороне памятника, которая была прочитана и переведена на русский язык Т. Барнавели, причем, как поясняет Л. Шервашидзе, «оно дано в транскрипции мхедрули (современное грузинское письмо – о. Дорофей), с раскрытием титулов и расстановкой знаков препинания». Эта надпись, «в отличие от других надписей, расположенных на заглубленном фоне, вырезана в плоскости, выступающей над фоном и находящейся заподлицо с плоскостью орнамента» [Шервашидзе, 1974, с. 183].

Надпись следующего содержания: «Именем Божиим воздвиг крест сей (этот) во имя Бога Отца, Сына [и] Святого Духа я, Георгий, сын Василия. Отныне кто будете возносить моление, всех нас трех братьев в молитве помяните. Аминь, да будет!» [Шервашидзе, 1974, с. 183].

Л. Шервашидзе полагает, что «ктитор Георгий, сын Василия, сообщающий о воздвижении им креста и просящий по-

мянуть в молитвах трех братьев, возможно, – местный феодал или представитель духовенства» [Шервашидзе, 1974, с. 183].

Заметим, что перед именем «Георгия, сына Василия» нет никаких эпитетов, позволяющих отнести его к духовенству.

Далее Л. Шервашидзе говорит, что под вышерассмотренной большой ктиторской надписью в поле креста включены буквы, которые прочитываются как «Святой Василий». Над надписью же на поле расцветшего креста, – «Святой Георгий», справа на узкой грани – «Святой Феодор», слева на узкой грани – «Святой Кирилл», и, наконец, позади, на широкой грани, – «Святой Дмитрий».

Л. Шервашидзе считает совершенно точным, что «ктитор (Георгий, сын Василия) помещает ниже большой надписи, как бы у основания столба, имя святого патрона (покровителя – о. Дорофей) своего отца, над надписью – имя своего святого, а на двух боковых гранях – имена святых своих двух остальных упомянутых в надписи братьев».

«Имя на четвертой задней грани памятника (т. е. “Святой Дмитрий” – о. Дорофей), – продолжает названный исследователь, нам неизвестно. Мы можем только в виде предположения допустить, что здесь сам художник поместил имя своего святого» [Шервашидзе, 1974, с. 183–184].

От себя добавим, что под «Святым Василием», очевидно, подразумевается св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской († 379 г.), под «Святым Георгием» – св. Георгий Победоносец († 303 г.), под «Святым Феодором» – св. Феодор Тирон († 307 г.) или св. Феодор Стратилат († 319 г.), под «Святым Кириллом» – св. Кирилл, архиепископ Александрийский († 444 г.), и под «Святым Дмитрием» – св. великомученик Дмитрий Фессалоникийский († 307 г.).

Любопытно, что в надписях на постаменте предалтарного креста из Анхуа, сделанных на картлийском (грузинском) языке и датированных XI в., мы имеем имена исключительно греческого происхождения, и они связаны с древнехристианскими святыми, в большинстве своем выходцами из Малой Азии (если быть точнее, Каппадокии и Понта) – св. Василием Великим, св. Георгием Победоносцем, св. Феодором Тироном

или св. Феодором Стратилатом. Только св. Кирилл – представитель Египта, а св. Димитрий – из г. Фессалоники (на территории современной Северной Греции).

Далее Л. Шервашидзе указывает, что по палеографическим чертам надписи на постаменте креста из Анхуа ближайшие параллели находят «в надписях времен католикоса Мелхиседека I, как, например, Свети-Цховели, Самтависи, Алаверди и, конечно, в <...> надписи на столбике из Шио-Мгвимского монастыря <...>». Следовательно, по словам названного исследователя, рассматриваемый памятник из Анхуа «могло отнести по надписи только к периоду первой половины (скорее, первой четверти) одиннадцатого века» [Шервашидзе, 1974, с. 184].

«Таким образом, – завершает Л. Шервашидзе, – палеографическое исследование надписей на памятнике подтверждает и уточняет датировку, определившуюся на основании стилистического анализа» [Шервашидзе, 1974, с. 185].

В 1980 г. в Тбилиси вышла работа Л. Г. Хрущковой «Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв.». В ней названный исследователь говорит и о памятниках скульптуры XI в. из Анхуа. Речь идет о плитах алтарной преграды со сценой Распятия Христа и изображением св. Георгия, а также о постаменте предалтарного креста. Правда, последнюю архитектурную деталь, как верно отмечает Е. Ю. Ендольцева (см. выше), Л.Г. Хрущкова ошибочно считает частью алтарной преграды [Хрущкова, 1980, с. 96].

Плиты алтарной преграды со сценой Распятия и изображением св. Георгия из Анхуа, на которых, как отмечает Л. Г. Хрущкова, наблюдается принцип широкого орнаментированного обрамления, сближают их с аналогичными памятниками из других областей Грузии (речь идет о территории Грузинской ССР. – о Дорофей). В частности, исследователь говорит о двух плитах из так называемой вороновской церкви в Цабале (Абхазия). Л. Г. Хрущкова, как отмечает Е. Ю. Ендольцева (см. выше), относит плиты алтарной преграды из Анхуа к XI в. без обоснования [Хрущкова, 1980, с. 96].

Что касается постамента предалтарного креста, Л.Г. Хрущкова отмечает, что мотив «перевязанных» колонок, который

имеется на архитектурной детали из Анхуа, характерен для византийских памятников. Чрезвычайно популярен он был и в Византии и в других странах региона. В Грузии же «“перевязанные” колонки встречаются только один раз – в с. Жибиани в Сванетии, в грубом исполнении» [Хрушкова, 1980, с. 96].

Обращает внимание Л.Г. Хрушкова и на надписи, сделанные на плите алтарной преграды из Анхуа со сценой Распятия Христа на греческом и картлийском языках.

«Сочетание греческой (для обозначения сюжета) и грузинских надписей (для действующих лиц) на плите с Распятием их Анухвы, – пишет названный исследователь, – тоже довольно редкая особенность, которая в грузинских памятниках известна лишь на алтарной преграде из Шио-Мгвиме (XI в.)» [Хрушкова, 1980, с. 96].

Заметим, что надписи на плите алтарной преграды со сценой Распятия Христа из Анхуа, сделанные на картлийском языке на самом деле не говорят нам о действующих лицах (за исключением надписи на табличке, расположенной на самом верху креста). Они так же, как и греческая надпись, сообщают нам о сюжете (см. выше).

В 2018 г. вышла небольшая работа Д. Чачхалиа о средневековой церкви Акуача в Анхуа [Чачхалиа, 2018]. Названный исследователь полагает, во-первых, что рассматриваемые нами архитектурные детали из Анхуа происходят из храма Акуача (или Куач-ныха, по версии названного автора). Во-вторых, относительно вопроса, кому посвящен храм, Д. Чачхалиа отмечает, что храм Акуача был освящен в честь св. великомученика Георгия Победоносца, хотя какие-либо исторические свидетельства этого в работе не приводятся, за исключением того, что ктитора, упомянутого в надписи на постаменте предалтарного креста из Анхуа, звали Георгий [Чачхалиа, 2018, с. 18–19, 23]. Далее Д. Чачхалиа заостряет внимание на рассмотрении двух плит алтарной преграды из Анхуа с рельефными изображениями св. Георгия, поражающего копьем императора Диоклетиана, и сценой Распятия Христа [Чачхалиа, 2018, с. 20–22].

В отношении надписей на греческом и картлийском языках на плите со сценой Распятия Христа названный исследо-

ватель отмечает, что в данном случае внимание специалиста привлекает не содержание надписей, а двуязычность.

«До конца X в., – поясняет названный исследователь, – в Абхазском царстве языком письменности был греческий, но с начала XI в., возможно, в связи с резким обострением отношений с Византией, Абхазия будто отказывается от употребления греческой грамоты и заменяет ее грамотой картлийской. В переходный период в стране употреблялись обе грамоты. Так случилось с подписями к фрескам в Лыхненском храме. Они исполнены на двух официальных (стоит уточнить, письменных. – о. Дорофей) языках Абхазского царства: на прежнем – греческом, и на новом – картлийском. Этот билингвизм мог возникнуть, как уже говорилось, на фоне военно-политического противостояния между Византийской империей и Абхазским царством в первой половине XI в. Потому греко-кардийские дублирующего свойства надписи можно рассматривать, в известной степени, как датирующий фактор. Но этот фактор не был универсальным и аксиоматичным. Бывали также исключения, как, например, греко-кардийские надписи к фрескам в Цаленджихе, относящиеся к концу XIV в.» [Чачхалиа, 2018, с. 22–23].

Говоря о датировке храма Акуача (автор датирует его XI в.), Д. Чачхалиа приводит несколько аналогий к архитектурным деталям из Анхуа. В частности, он отмечает, что по аналогии с кубовидным навершием с изображением процветшего креста, которое мы имеем на нижнем фрагменте постамента предалтарного креста из Анхуа, выполнен и крест у входа в Бедийский монастырь (Ткуарчальский район Республики Абхазия). Единственный аналог второго (верхнего) фрагмента того же постамента предалтарного креста, выполненный в виде «столбика из вертикальных каменных жгутов, перевязанных посередине узлом», был обнаружен в храме Лоо (совр. Краснодарский край РФ) и в настоящий момент выставлен в Сочинском музее.

«Места обнаружения обоих фрагментов находятся на расстоянии 110 км друг от друга, – продолжает исследователь. – Фрагмент, обнаруженный среди руин храма Лоу-ныха в пос.

Лоо, отличается от обломка из храма близ Нового Афона. Второй более тщательно обработан и, кажется, вытесан из более качественного известняка. Однако главным различием этих стилистически идентичных фрагментов является то, что каменный узел из Лоо короткий и затянут как бы более туго, чем узел такого же многожильного столба из пос. Акуача» [Чачхалиа, 2018, с. 25].

Говоря об обрамляющих орнаментах на плитах со сценой Распятия и изображением св. Георгия, Д. Чачхалиа отмечает, что «похожие по стилю плетенки встречаются в других местах Абхазского царства». В частности, в отношении плиты со сценой Распятия, где сюжет «вставлен как бы в рамку, декорированную кудрявым волнообразным узором», исследователь говорит, что «аналогичные орнаменты встречаются среди обломков Бедийского храма, в коллекции музея г. Сочи, в храме Баграта в Кутаисе, в тимпане западного входа в храм Патара-Они XI в., над входом в Малую церковь Ишхана, над порталом храма Никорцминда, в церкви Самтависи, на фризе храма Тхаба-Ерды в Ингушетии и на других памятниках зодчества» [Чачхалиа, 2018, с. 25–26].

«Можно сказать, – завершает Д. Чачхалиа, – что этот хрестоматийный орнамент и его вариации часто применялись при художественном оформлении церковных строений на всей обширной территории средневекового Абхазского государства» [Чачхалиа, 2018, с. 26].

Теперь перейдем к следующему важному вопросу: из какого храма в Анхуа происходят все вышерассмотренные архитектурные детали?

В настоящее время известно о наличии в границах исторической территории с. Анхуа (включая часть территории современного с. Приморское) шести средневековых христианских храмов:

1. Храм св. Георгия в пос. Агца [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020, с. 329–332; Дорофей Дбар, Сангулия, 2022 (4), с. 445–446];
2. Храм в пос. Акуача [Чачхалиа, 2018];
3. Храм на горе Акуи [Дорофей Дбар, 2022 (3), с. 453–454];

4. Храмовый комплекс в пос. Бжилюа (советское наименование поселка – Веселовка);
5. Храм Аchanua (в настоящее время территориально относится к с. Приморское) [Кация, 1967, с. 72–77];
6. Храм Mсыгхуа (в настоящее время территориально относится к с. Приморское) [Кация, 1967, с. 65–72].

Как мы уже отмечали, на инвентарных карточках рассматриваемых церковных архитектурных деталей не указано, из какой именно церкви с. Анхуа вышеуказанные артефакты поступили в АГМ.

Впервые фото двух каменных плит со сценой Распятия Христа и изображением св. Георгия Победоносца, а также нижней части постамента предалтарного креста из Анхуа были опубликованы в 1899 г. в новом, значительно измененном и дополненном издании известной работы архимандрита Леонида (Кавелина) «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь», осуществленном иеросхимонахом Нифонтом (ил. 2, 3) [И. Н., 1899; Кащеев, 2018, с. 123]¹. Под всеми тремя фотоиллюстрациями с изображением этих артефактов из Анхуа, опубликованными в вышеуказанной книге, приведена следующая сопроводительная надпись: «Из развалин близ монастырского хутора, около селения Анухва» [И. Н., 1899, с. 140, 142, 148].

Следует обратить внимание на примечательную деталь: на фото, опубликованном в новом издании книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (Москва, 1899 г.), видно, что расколотая на три части плита со сценой Распятия Христа из Анхуа сохраняла утерянный в наше время фрагмент из верхнего левого угла. Как мы уже отмечали, Р. Шмерлинг в опубликованной в 1962 г. книге «Малые формы в архитектуре средневековой Грузии» также приводит фото рассматриваемой плиты, и на нем видно, что и к этому времени плита по-прежнему сохраняла третий фрагмент [Шмерлинг, 1962, табл. 58, 1]. Кроме того, на фото плиты с изображением

¹ В книге «Искусство Абхазского царства VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, 2011) в качестве автора расширенного и дополненного издания работы архимандрита Леонида (Кавелина) 1899 г. указан Иван Никифоров [Искусство Абхазского царства, 2011, с. 258].

св. Георгия из Анхуа, опубликованном в том же новом издании книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (Москва, 1899 г.), также видно, что она не была расколота на две части, как в наше время.

К сожалению, в вышеназванной книге архимандрита Леонида (Кавелина) не уточняется, о каких именно «развалинах» идет речь. При этом вышеприведенная сопроводительная надпись позволяет уверенно заявить, что все три архитектурные детали из Анхуа – плита со сценой Распятия Христа с надписью на греческом и картлийском языках, плита с изображением св. Георгия и нижняя часть постамента предалтарного креста с надписью на картлийском языке – действительно происходят из одной церкви.

Первоначально мы выдвинули предположение, что, вероятнее всего, под «развалинами» в сопроводительной надписи под всеми четырьмя фотографиями с изображениями рассматриваемых артефактов из Анхуа, опубликованных в новом издании книги архимандрита Леонида (Кавелина), речь идет о руинах храма Акуача в с. Анхуа [Дорофей Дбар, 2022 (2), с. 222–225].

В пользу данной гипотезы нас подтолкнули следующие аргументы:

1. Во всех изданиях работы архимандрита Леонида (Кавелина) сообщается о «развалинах» только одной древней церкви в Анхуа [Леонид Кавелин, 1885, с. 52–53; И. Н., 1899, с. 117–118 и др.]. В этих же изданиях впервые публикуется выполненная с фотографии С. Бохонова литография с видом вышеназванной церкви. Подпись под фотографией следующая: «Развалины храма в бывшем абхазском селении Ануха, в области Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря» [Леонид Кавелин, 1885, с. 112; И. Н., 1899, с. 150].

Внимательное изучение данной литографии не оставляет сомнений, что на ней изображен храм Акуача в с. Анхуа.

2. Относительно «монастырского хутора около селения Анухва», близ которого находились развалины, откуда, собственно, и происходили фрагменты алтарной преграды и постамент для креста, следует прояснить следующее. Архи-

мандрит Леонид (Кавелин), посещавший Ново-Афонский монастырь летом 1884 г., в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» дал описание своего восхождения на Анакопийскую гору. По сообщению автора, от первой угловой башни Анакопийской крепости «разделенная дорога ведет к северу в глубь горной части монастырских владений, разделяясь на две ветви, из которых одна идет по течению упомянутого потока (р. Мысра или Мысра – о. Дорофей) к северо-восточному углу монастырского участка, к тому месту, где предполагается устроить единственный скит (речь идет о ските св. Иоанна Крестителя, в этом же районе находятся и руины храма св. Георгия. – о. Дорофей) <...>. Другая ветвь ведет через опустевшее в последнюю войну (имеется в виду Русско-турецкая война 1876–1877 гг. – о. Дорофей) абхазское селение Ануха (Анхуа; автор имеет в виду дорогу в сторону поселка Акуача. – о. Дорофей) с сохранившимися фруктовыми садами, мимо монастырской пасеки и живописного холма, на вершине которого, среди дикой растительности, виднеются развалины древнего храма. Эта дорога приводит к стоящему между горами в юго-восточном углу горной части монастырских владений монастырскому хутору» [Леонид Кавелин, 1885, с. 52–53; И. Н., 1899, с. 117–118].

Из только что приведенного сообщения следует, что «монастырский хутор» находился вблизи развалин храма Акуача.

З. В.И. Стражев (1879–1950) в работе «Руинная Абхазия», опубликованной в 1925 г., полагает, что вышеуказанные фрагменты алтарной преграды были найдены в развалинах храма, о котором сообщает архимандрит Леонид (Кавелин), т. е. церкви Акуача. Этот же автор писал, что «в ближайшем будущем» предполагалась их передача в Музей Абхазского научного общества (совр. АГМ) [Стражев, 1925, с. 147].

К сожалению, В. И. Стражев не уточняет, где именно в его время находились интересующие нас церковные архитектурные детали из Анхуа. Возможно, они уже могли находиться и в самом Ново-Афонском монастыре.

В этом отношении любопытно сообщение А.С. Башкирова (1885–1963). Говоря о храме св. апостола Симона Кананита

в Новом Афоне в работе «Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.», данный автор сообщает: «Около храма обнаружены древние архитектурные орнаментальные фрагменты, сложенные в кучу. Они должны быть вывезены в Музей абхазского научного общества. (Ряд памятников с интересными рельефами композициями хранятся на большой монастырской колокольные)» [Башкиров, 1926, с. 52].

Как мы уже заметили, храм Акуача дошел до нас в лучшей сохранности, чем все остальные средневековые церкви в Анхуа. Его стены сохранились практически под самый свод постройки. Поэтому храм Акуача и сегодня и в XIX в. был хорошо обозреваем визуально. По этой причине о нем знали и монахи Ново-Афонского монастыря, и отдельные исследователи второй половины XIX и начала XX вв., описывавшие памятники культуры Нового Афона и его окрестностей. Другие средневековые храмы в Анхуа дошли до нас уже в руинированном состоянии. Их стены сохранились на высоту максимум до одного метра от уровня земли, к тому же, все они были спрятаны под дикой растительностью, проросшей вокруг них и даже внутри.

В 1961 г. был опубликован аннотированный список памятников культуры, взятых на учет по Абхазской АССР, составленный Вианором Пачулиа (1929–1988). В этом списке среди четырех указанных памятников культуры с. Анхуа сообщается и об одной церкви, которая была датирована нач. XI в. В примечании названный автор отмечает, что «архитектурные детали из алтарной преграды с надписями хранятся в Абхазском государственном музее» [Пачулиа, 1961, с. 14].

К сожалению, В. Пачулиа не дает уточняющей информации о месте локализации указанной в списке церкви. Поэтому определить, о каком именно из шести известных нам средневековых христианских храмов, располагавшихся на исторической территории с. Анхуа (с включением части территории с. Приморское), идет речь, однозначно сказать сложно.

С одной стороны, под церковью нач. XI в., указанной в аннотированном списке 1961 г., может подразумеваться наиболее известная к тому времени церковь Акуача. Она, как мы уже

отметили, сохранилась лучше, чем остальные средневековые храмы Анхуа.

С другой стороны, если сопоставить данные об исторических памятниках с. Анхуа, приведенные в вышерассмотренном нами аннотированном списке 1961 г., с теми, что приведены в последующей работе В. Пачулии «Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана» [Пачулиа, 1968, с. 67–68], то становится очевидно, что под церковью XI в. (откуда и происходят, по мнению названного автора, фрагменты алтарной преграды с надписями) имеются в виду руины храма св. Георгия в пос. Агца, а не храма Акуача, поскольку В. Пачулиа в вышеназванной работе под № 95 указывает церковь нач. XI в. в с. Анхуа, а под № 102 – церковь Акуача в с. Анхуа, относя ее к раннему средневековью. В приложении, где даны различные иллюстрации, В. Пачулиа приводит и план храма Акуача [Пачулиа, 1968, с. 147; рис. 11].

Однако, в ходе археологических раскопок руин храма св. Георгия в пос. Агца с. Анхуа в 2019 г. не было обнаружено каких-либо фрагментов архитектурных деталей, близких по стилю к известным уже нам архитектурным находкам из Анхуа [Дорофей Дбар, Сангулия, 2020, с. 329–332].

В других своих работах В. Пачулиа утверждал, что в конце XIX в. монахи Ново-Афонского монастыря вывезли из храма в Ахикуара (т. е. из храма в пос. Бжилюа или Веселовка) все архитектурные детали с надписями, которые были выставлены в АГМ [Пачалиа, 1962, ад. 80; Пачулиа, 1964, с. 37]. Откуда была взята данная информация, названный автор не уточняет.

Однако, в 2022–2023 гг. в ходе археологических раскопок руин храмового комплекса Бжилюа с. Анхуа были обнаружены три небольшие фрагменты архитектурных деталей. Они, судя по всему, также являются дополнительными фрагментами вышеуказанной алтарной преграды из Анхуа. Кроме того, в ходе указанных раскопок было обнаружено и основание постамента для предалтарного креста. Следовательно, версия происхождения церковных архитектурных деталей из коллекции АГМ из руин храмового комплекса Бжилюа, о которой писал В. Пачулиа, находит подтверждение. Разумеется, что для

окончательных выводов требуется завершение археологических раскопок на руинах храмового комплекса Бжилюа, а также проведение в дальнейшем раскопок церкви Акуача.

Литература

1. *Башкиров, 1926* – Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Сухум, 1926.
2. *Бгажба, 1956* – Бгажба Х. Некоторые вопросы этнографии и топонимики Абхазии. (В связи с работой Павле Ингороква «Георгий Мерчулеб») // Труды Абхазского института языка, литературы и истории, 27 (1956), с. 279–303.
3. *Бгажба, 1967* – Бгажба Х. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.
4. *Бгажба, 1974* – Бгажба Х. О памятниках письменности в Абхазии / Бгажба Х. Этюды и исследования. Сухум: «Алашара», 1974. С. 66–76.
5. *Бронзов, 1913* – Бронзов А.А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря († 14 августа 1912 г.) // Христианское чтение, 1913, № 5, с. 630–649.
6. *Виноградов, Белецкий, 2015* – Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–Х вв. М.: «Индрикс», 2015.
7. *Воронов, 2002* – Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры, 12 (2002), с. 334–362.
8. *Воронов, 2016* – Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 5. Сухум, 2016.
9. *Дорофей Дбар, 2019* – Дорофей (Дбар), архимандрит. Скит св. Иоанна Крестителя в с. Анхуа. – Н. Афон (Анакопия): Изд. СМА, 2019. (Храмы и монастыри Абхазии, 1).
10. *Дорофей Дбар, Сангулия, 2020* – Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Средневековый храм св. Георгия в селе Анхуа: предварительные результаты археологических раскопок 2019 г. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербент-

ской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Отв. ред. М. С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ, 2020. – С. 329–332.

11. *Дорофей Дбар*, 2022 (1) – Дорофей (Дбар), архимандрит. Грузинская печать византийского типа XI века: происходят ли она из села Анхуа (Абхазия)? // Вестник Академии наук Абхазии (Серия: Гуманитарные науки), 12 (2022), с. 133–145.

12. *Дорофей Дбар*, 2022 (2) – Дорофей (Дбар), архимандрит. Греческая надпись из архитектурной детали из церкви с. Анхуа // Абхазоведение (Серия: Археология, история и этнология), 12 (2022), с. 220–231.

13. *Дорофей Дбар*, 2022 (3) – Дорофей (Дбар), архимандрит. Храм на горе Акуи // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия». Т. 2. Сухум – СПб., 2022. – С. 453–454.

14. *Дорофей Дбар, Сангулия*, 2022 (4) – Дорофей (Дбар), архимандрит, Сангулия Г. Храм св. Георгия в Анхуа // Абхазия. Краткая энциклопедия. Гл. ред. В. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия». Т. 2. Сухум – СПб., 2022. – С. 445–446.

15. *Дорофей Дбар*, 2023 – Дорофей (Дбар), архимандрит. Средневековая алтарная преграда из с. Анхуа: находка нового фрагмента. Доклад на Международной научной конференции «Кавказ и Причерноморье с эпохи древности до позднего средневековья в свете новых данных археологии и истории», посвященной 80-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 19–20 октября 2021 г. (Материалы конференции готовятся к печати).

16. *Ендольцева*, 2019 – Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазского царства (VIII–XI вв.). Из коллекции Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства), 33 (2019), с. 9–30

17. *Ендольцева*, 2020 – Ендольцева Е.Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). Отв. ред. А. Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2020.

18. *И.Н.*, 1899 – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симо-

но-Кананитский монастырь. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Сост. И. Н. М., 1899.

19. Искусство Абхазского царства, 2011 – Искусство Абхазского царства VIII–XI вв. Христианские памятники Анакопийской крепости. А. Агумаа, Д.В. Белецкий, А.Ю. Виноградов, Е.Ю. Ендолъцева. Автор. предисл. О. Бгажба. СПб.: Изд. РХГА, 2011.

20. Леонид Кавелин, 1885 – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. А.Л. [Архимандрит Леонид]. М., 1885.

21. Кацая, 1967 – Кацая А. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 65–89.

22. Кащеев, 2018 – Кащеев А.А. История написания архимандритом Леонидом (Кавелиным) книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» // Русско-Византийский вестник, 1 (2018), с. 120–125.

23. Пачулиа, 1961 – Пачулиа В. Список памятников культуры, взятых на учет по Абхазской АССР. Сухум: «Абгосиздат», 1961.

24. Пачалиа, 1962 – Пачалиа В. Анхәа ақытантәи абақаңәа // Алашара, 6 (1962), ад. 78–80.

25. Пачулиа, 1964 – Пачулиа В. Новый Афон. Путеводитель. Тб., 1964.

26. Пачулиа, 1968 – Пачулиа В. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: «Наука», 1968.

27. Стражев, 1925 – Стражев В.И. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества, 1 (1925), с. 131–167.

28. Хрущкова, 1980 – Хрущкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии V–X вв. Тбилиси: «Мецниереба», 1980.

29. Чачхалиа, 2018 – Чачхалиа Д.К. Храм Куач-ныха близ Нового Афона (Абхазия). М.: АКВА-Абаза, 2018.

30. Чхайдзе, 2017 – Чхайдзе В. Грузинская печать византийского типа XI в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 г. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений памяти Т.Ю. Стукаловой (17.12.1958–16.01.2017). М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 61–66.

31. Шервашидзе, 1974 – Шервашидзе Л. Столб из села Анухва // Труды абхазского государственного музея, 4 (1974), с. 176–185.
32. Шмерлинг, 1962 – Шмерлинг Р.О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
33. *Glossar*, 1979 – A.A.F. Ἀβασγία, Ἀβασγοὶ, Ἀβασκός // *Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa*. Herausgegeben von Jadran Ferluga, Manfred Hellmann, Herbert Ludat. Redaktion Athanasios A. Fourlas, Anastasios A. Katsanakis. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Lieferung 7: Ἀβαροί (Schluß) – Ἀγάθυντοι (Anfang). Franz Steiner Verlag GmbH Wiesbaden, 1979. S. 208–228.
34. Dadiani, Khundadze, Kvachadze, 2017 – Dadiani T., Khundadze T., Kvachadze E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi: Cezanne, 2017.
35. Seibt, Jordanov, 2006 – Seibt W., Jordanov I. Στρατηγός Σωτηρούπολεως και Ανακούπης. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchazien (11. Jh.) // Studies in Byzantine Sigillography, 9 (2006), s. 231–239.

Иллюстрации

1. Алтарная преграда из с. Анхуа. АГМ. 2018 г.
2. Плита алтарной преграды со сценой Распятия Христа и нижняя часть постамента предалтарного креста с надписями на греческом и картлийском (письмом асомтаврули) языках. Из книги: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. М., 1899.
3. Плита алтарной преграды с изображением св. Георгия. Из книги: Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Сост. И. Н. М., 1899.

Изъ развалинъ близъ монастырскаго хутора, около селенія
Анухвѣ.

Изъ развалинъ близъ монастырскаго хутора, около селенія
Анухвѣ.